

М. А. Максимовичъ (1804—1873).

Изъ украинской исторіографіи XIX в.

Сравнительно рѣдко теперь вспоминаемый М. А. Максимовичъ занимаетъ важное мѣсто въ украинской исторіографіи XIX в. Съ постепеннымъ расширеніемъ кругозора—оцѣнивается важность матеріала архивнаго и онъ выдвигается на первый планъ — въ рядъ съ первенствовавшимъ ранѣе матеріаломъ лѣтописнымъ. Съ другой стороны ростъ критицизма выдвигаетъ необходимость провѣрки сложившихся взглядовъ и неоспоримыхъ—казалось-бы—обобщеній. И здѣсь и тамъ—и въ разработкѣ сырого матеріала и въ критическомъ пересмотрѣ сложившихся взглядовъ и новопостроенныхъ обобщеній—Максимовичъ сдѣлалъ много. Пытливо разбираясь во всемъ, что могло бы служить для цѣлей научнаго изученія старины, — Максимовичъ скопилъ богатый запасъ знаній, а это дало ему въ свою очередь прочный базисъ для критическаго анализа. И пониманіе задачей исторіографіи и критическая складка—сближаетъ Максимовича съ младшими украинскими историками, но холодность его къ ихъ украиннофильскимъ воззрѣніямъ и общій складъ взглядовъ—проводятъ между ними грань¹⁾.

1) Сочиненія М. А. Максимовича переизданы въ 3 томахъ. Кіевъ 1876—1880 (сс. 847+524+745); невошедшія сюда перечислены въ біографіи Максимовича—въ «Біографическомъ словарѣ профессоровъ университета св. Владимира». Изъ статей важнѣйшія—С. Пономарева въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1871. X; некрологъ написанный М. П. Драгомановымъ — Вѣстн. Европы 1874. III; статья Чаева—Русск. Архивъ 1874, кн. II; Н. И. Петровъ. Очерки украин-

Ученая карьера М. А. Максимовича была незаурядна; прежде всего обращает здѣсь вниманіе рѣзкій—повидимому—переходъ отъ наукъ естественныхъ къ наукамъ гуманитарнымъ; однако, при болѣе внимательномъ изученіи ранней литературной дѣятельности будущаго историка оказывается, что въ его широкомъ кругозорѣ и прежде сосѣдили и тѣ и другіе научные интересы.

Максимовичъ родился въ 1804 г. въ хуторѣ Тимковщинѣ близъ г. Золотоноши и впоследствии часто вспоминалъ эту родную мѣстность и въ перепискѣ и въ научныхъ статьяхъ. Окончивъ Новгородъ-Сѣверскую гимназію—Максимовичъ отправился въ Москву поступить въ Университетъ съ завѣтною мечтою заняться всецѣло ботаникою. Пробывъ два года на словесномъ отдѣленіи, онъ перешелъ на естественно-историческое и здѣсь специализовался на ботаникѣ и зоологіи, дѣля время между научною литературою и самостоятельными наблюденіями. Окончивъ курсъ, Максимовичъ получилъ въ завѣдываніе университетскій ботаническій садъ, а въ университетѣ—чтеніе общаго курса естественной исторіи; въ слѣдующемъ 1827 г.—получилъ степень магистра ботаники, а въ 1833 г. сталъ ординарнымъ профессоромъ ботаники. Таковы внѣшніе факты московской жизни Максимовича.

Увлеченіе ботаникою стоитъ въ связи съ поэтической складкою въ духовномъ обликѣ Максимовича: правда, стихи его были по большей части—дѣланные и тяжелые, но о глубокой любви къ природѣ, поэтическомъ ея пониманіи свидѣтельствуютъ многіе мѣста въ его перепискѣ съ друзьями и въ научныхъ статьяхъ. Съ неизмѣннымъ восхищеніемъ отзывается онъ о кра-

ской литературы XIX с. сс. 177—188 и дополненія въ отзывѣ объ этой книгѣ Н. П. Дашкевича; А. Н. Пыпинъ. Исторія русской этнографіи III. 15—37. О. Огоновскій. Исторія литературы русской. IV. 5—47. Біографическіе матеріалы — «Кіевская Старина» (passim); тамъ же автобіографія Максимовича — 1904. IX. Изъ изданнаго по другиямъ журналамъ матеріала—важнѣе прочаго—Письма къ О. М. Бодянскому—Чтенія Общ. исторіи и древн. росс. 1887. I.

сивомъ видѣ со своей Михайловой Горы: «сколько разнообразныхъ картинъ сливается здѣсь въ одну полную, живую панораму и какъ хорошо отсюда поглядѣть на просторъ и красоту Божьяго міра!»¹⁾ или вотъ этюдикъ Межигорскаго ландшафта, гдѣ къ красотѣ природы примѣшивается сожалѣніе о невозвратно ушедшемъ быломъ: «въ другой сторонѣ отъ нихъ—бьетъ попрежнему подгорный свѣтловодный ключъ называемый *Звонками*. И зеленѣютъ по горамъ, еще въ полной силѣ, огромные многовѣковые дубы. . . Безотвѣтные они свидѣтели о долгой жизни монастыря; но подъ ихъ сѣнью, подъ шумомъ ихъ листьевъ живѣе воображается почти забытая старина этого достопамятнаго мѣста. . . »²⁾

При такой складкѣ молодой ученый не могъ удовлетвориться только изученіемъ деталей растительной жизни, его манили и попытки философски-обобщающаго представленія о природѣ. Въ университетѣ представителемъ этихъ новыхъ вѣяній былъ тогда М. Г. Павловъ и воспоминанія о немъ Максимовича, а равно и направленіе ранняго сочиненія Максимовича «Главные основанія зоологіи», написаннаго по плану трудовъ Окена, свидѣтельствуютъ о вліяніи лекцій Павлова. Такое именно направленіе, дѣлавшее ученныя статьи «отрывками вдохновенной ботаники»,—сдружило Максимовича съ кн. Одоевскимъ и чрезъ него съ московскими литераторами. Тѣмъ же философскимъ міросозерцаніемъ отличались и позднѣйшія «Размышленія о природѣ», радушно встрѣченныя читающею публикою.

Литературныя связи развивались и крѣпли: сотрудничество въ «Московскомъ Телеграфѣ» Полеваго, а послѣ въ «Телескопѣ» Надеждина ввело Максимовича въ сферу тогдашнихъ журнальныхъ интересовъ. Вотъ отрывокъ изъ воспоминаній Максимовича о былой журнальной дѣятельности. . . «Съ нею, Молвою, много воспоминаній воскресаетъ въ душѣ. Тамъ было не мало

1) Собраніе сочиненій I. 762.

2) С. С. II. 256.

и моей послѣобѣденной импровизаціи: по середамъ послѣ совѣта бывало Павловъ вѣдетъ Надеждина и меня къ себѣ обѣдать, а между тѣмъ въ его кабинетѣ вмѣстѣ съ кофе является и корректура Молвы, и пробѣлы столбцевъ наполнялись тогда сытнымъ вдохновеніемъ нашимъ въ мѣру пробѣловъ. Туда же была написана и моя первая статья о «Пѣсни Игоревои» . . . ¹⁾ Расширялся постепенно кругъ литературныхъ отношеній и, издавая альманахъ «Денницу», Максимовичъ получилъ для него произведенія отъ Пушкина, Жуковского, Вяземскаго и другихъ видныхъ представителей тогдашней литературы; тамъ же издано и литературное обзорѣніе за 1829 г. Кирѣевскаго, поднявшее тогда такой шумъ.

Важное значеніе имѣлъ сборникъ Максимовича «Малоросійскія пѣсни»: это былъ первый по времени сборникъ малорусскихъ пѣсень обстоятельный и научный (конечно, по тогдашнимъ научнымъ приѣмамъ), такъ какъ предшествовавшій Цертелевскій «Опытъ» былъ составленъ неполно. Сборникъ Максимовича произвелъ значительное впечатлѣніе на публику и возбудилъ интересъ къ малорусской народной поэзіи: его «обиралъ» Пушкинъ, Гоголь подъ впечатлѣніемъ народныхъ пѣсень живѣе рисовалъ свою далекую родину, въ Бодянскомъ и Костомаровѣ онъ пробудилъ болѣе живой интересъ къ народному творчеству. Сборникъ этотъ былъ выраженіемъ литературныхъ вкусовъ Максимовича, нѣкогда студентомъ словеснаго отдѣленія съ восхищеніемъ слушавшаго декламацію Мерзлякова. Тамъ, гдѣ слабо интересовались новыми философскими вѣяніями, въ тѣхъ кружкахъ Максимовича знали преимущественно по изданію пѣсень.

Сборники народныхъ пѣсень и разборъ Пушкинской Полтавы, «Размышленія о природѣ» и университетская рѣчь «о русскомъ просвѣщеніи»—вотъ главнѣйшіе моменты развитія интересовъ у Максимовича за московскій періодъ его дѣятельности.

1) П. Бодянскому 1857 г. (Чтенія 1887. I. 148).

Получивъ ординатуру по ботаникѣ Максимовичъ, былъ у своей желанной цѣли, но именно здѣсь въ его жизни поворотъ. Ослабленіе здоровья заставляло подумывать о болѣе мягкомъ климатѣ, а тоска по родинѣ тянула домой въ Малороссію. Какъ разъ въ это время былъ основанъ университетъ въ Кіевѣ, и Максимовичъ надѣялся получить здѣсь кафедру по ботаникѣ, но ему пришлось измѣнить свою специальность и въ Кіевѣ является онъ профессоромъ русской словесности: еще передъ отъѣздомъ изъ Москвы пришлось ему готовиться и по предмету русской словесности и знакомиться съ будущими ректорскими обязанностями.

Профессорство по новому предмету — русской словесности, вмѣсто любимой ботаники, — и рядомъ съ этимъ ректорство въ новозаведенномъ университетѣ — были не легки. Приходилось все заводить сызнова, начиная съ штатовъ и бюджетовъ и кончая латинскимъ переводомъ обзорѣнія преподаванія. Да къ этому же и специальная цѣль, усвоенная юному университету — быть разсадникомъ духа русской народности въ этомъ краю. Все это очень утомляло: «сколько разъ — вспоминаетъ Максимовичъ объ еп. Иннокентіи и своихъ посѣщеніяхъ его келіи въ Братскомъ монастырѣ — я приходилъ туда истомленный служебными дѣлами, кипѣвшими тогда подъ барабанною скоропоспѣшностью фонъ-Брадтке: и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душою и мыслию!». . . 1). Сама новая кафедра представляла затрудненія новизны для молодого ботаника: и только недюжинныя способности дали возможность овладѣть новою специальностью и почувствовать себя въ ней хозяиномъ: и какъ въ Москвѣ онъ руководствовался указаніями Надеждина, такъ и здѣсь ему помогъ своимъ запасомъ книгъ и знаній м. Евгеній: и самъ Максимовичъ съ благодарностію вспоминалъ 2) объ ученомъ іерархѣ: «въ какомъ бы памятникѣ ни представлялась надобность для

1) Письма о Кіевѣ (изд. 1871) с. 10.

2) Ibid. с. 125.

моихъ лекцій: я находилъ у него немедленно готовое пособіе. Гдѣ бы кромѣ него я могъ достать, напримѣръ, Хожденіе Даніилово, въ то время еще неизданное? Приходилось ли читать о Феодосіи печерскомъ: Евгенийъ сообщалъ мнѣ посланіе къ Изяславу, переписанное для него рукою Востокова. Пришлось говорить о мнимыхъ гимнахъ Бояна, будто-бы славянскими руками писанныхъ: Евгенийъ вынесъ мнѣ рукопись, полученную имъ отъ самого выдумщика тѣхъ гимновъ Селакадія». Позднѣе къ занятіямъ по исторіи русской словесности присоединились и чисто-мѣстные историческіе вопросы: понемногу подпадаетъ Максимовичъ обаянію славнаго прошлаго Кіева и становится истолкователемъ былого. Это просвѣчиваетъ уже въ университетской рѣчи (1837 г.): «Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи» и ярко проявляется въ историческихъ справкахъ и замѣткахъ «Кіевлянина» (1840), оцѣненного—какъ первый починъ систематическаго изученія мѣстной древности: Максимовичъ становится общепризнаннымъ знатокомъ мѣстной старины и какъ таковой приглашается къ участію въ мѣстныхъ историческихъ обществахъ, къ сотрудничеству въ ученыхъ изданіяхъ. . . .

Разносторонняя и энергичная дѣятельность Максимовича брала свое: еще ранѣе стало ему «не въ моготу тянуть двойную лямку — ректора и профессора». Максимовичъ отказался отъ ректорства. Стало легче, но здоровье уже было надорвано. Сживался по немногу съ мѣстнымъ обществомъ и родился съ мѣстною стариною: сглаживалось чувство сожалѣнія за московскою жизнью, теряло — пожалуй — значеніе тоскливое наблюденіе¹⁾ о кіевскомъ обществѣ: «все прошло; здѣсь скучный бытъ; все дѣла, а мысль не вспыхнетъ» — и снова поворотъ въ жизни и теперь уже на долго: Максимовичъ оставилъ службу (1841) и поселился на Михайловой Горѣ.

Такъ началась Михайлогорская жизнь (1841—1873), пре-

1) Пономаревъ о. с. с. 200.

рываема я иногда поѣздками въ Кіевъ и Москву и недолгимъ временемъ преподаванія въ университетѣ прежняго предмета, но уже въ качествѣ сторонняго преподавателя (1843—1845). Не весела была эта жизнь въ уединеніи, но красоты природы скрашивали это убѣжище, а ученые работы наполняли время. Къ грустному выводу пришелъ впоследствии Максимовичъ: «какъ вспомню свою жизнь въ эти тридцать лѣтъ, то — ажъ сердце вяне (1871 г.). Не служить мнѣ *хвортуна* съ самой отставки моей 1841 года... Видно *нетяю* быть и до конца дней» — замѣчаетъ уже о безденежьи Максимовичъ. Все таки это довольно спокойный тонъ: но бывали болѣе мучительныя минуты и болѣе горькое чувство. «Ахъ, какъ мнѣ тяжело и душно бываетъ здѣсь съ осени и до весны! Особенно тяжело нынѣшній разъ. Боюсь, что если не выберусь отсюда на Москву къ слѣдующей осени, то уже не вынимую больше... а способа никакого еще не предвидится (1862). Тринадцатый годъ уже, какъ маюсь между Кіевомъ и своей Горой, словно заржавѣлый маятникъ закоптѣлыхъ стѣнныхъ часовъ съ зозулею!... Поневогѣ встоскуешься, засмутишься, — особенно сидючи безвыходно въ четырехъ стѣнахъ, иногда цѣлые дни, въ зимнее время, въ длинныя ночи (1872)». Болѣзни, безденежье — два мрачныя гостя часто тревожили Максимовича: какъ тяжело жить на маленькую пенсію да на маленькій и невѣрный литературный заработокъ: какое нибудь мѣсто въ Москвѣ — «лишь бы была го-товая квартира» пишетъ онъ Бодянскому. Какую нибудь должность — и рисуются планы, растутъ надежды — и отшельникъ по прежнему остается въ своемъ уединеніи на своей Горѣ¹⁾.

Къ этому присоединяется еще и мучительное сознаніе безполезности своей жизни въ такихъ условіяхъ, когда даже нужныхъ научныхъ пособій нѣтъ подъ руками — и это для ученаго. «Вы не повѣрите, какъ уже опостылѣло мнѣ сидѣть на пустынь-

1) Пп. къ Лебединцеву (Кіевская Старина 1904. XII. 456. 461); Бодянскому (Чтенія 1887. I. 162), Лебединцеву (I. с. 482).

ной горѣ своей, хоть живописной, сидѣть въ безлюдьи и безкнижьи, съ чувствомъ потребности работать, и не имѣть къ тому ни поприща, ни способовъ. Это неудовлетворенное стремленіе крушить меня, но я не могу сладить съ нимъ и уговорить его, и съ каждою весною оно пробуждается съ новою силою. И Максимовичу приходитъ мысль, не сдѣлать ли свой «Кіевлянинъ» журналомъ — шесть книгъ въ годъ: «запасу въ головѣ и въ нотабенкахъ накопилось множество и онъ погибнетъ съ моею смертію». Онъ даже согласенъ «продать М. гору, чтобы имѣть первую тысячу р. с. для перемѣщенія и основанія журнала, если не найдется доброй людины, чтобы помогла деньгою на основаніе. . . Можно будетъ для этого мнѣ переселиться или въ Кіевъ или еще лучше въ Москву». . . Переселиться въ Москву вотъ завѣтное желаніе Максимовича: найти сносныя условія для умственной жизни. «Въ нынѣшнюю зиму я думалъ уже, что пропаду, но Богъ возвращаетъ снова на путь земной, а способовъ подорожныхъ все еще не обрѣтаю (1857 г.). . . Весьма хочется на слѣдующую зиму совсѣмъ къ вамъ перебраться, но пока это дѣло остается на прежнемъ основаніи, т. е. на пескахъ Михайловой Горы» (1861 г.) и позже онъ сознается съ грустью, что такъ и не удастся «перебраться въ Москву, гдѣ дожить вѣкъ такъ мечталось мнѣ и хотѣлось». . . (1865). ¹⁾

Максимовичу тѣмъ болѣе хотѣлось перебраться въ Москву, что онъ никакъ не могъ сжиться съ окружающимъ. Въ первое время своего пребыванія въ Кіевѣ онъ замѣтилъ какъ то, въ стихотвореніи, что «здѣсь скучный бытъ; все дѣла, а мысль не вспыхнетъ» и теперь, много лѣтъ спустя, онъ замѣчаетъ: «въ университетѣ сумбуръ и, вообще говоря, мало радующаго мнѣ душу въ общественной здѣшной жизни». . . ²⁾ Максимовичъ любилъ народъ, относился къ нему съ большой симпатіей и съ грустью всматривался въ темныя стороны крестьянской жизни. Когда то

1) Пп. Бодянскому I. с. с. 149, 158, 169.

2) П. Бодянскому I. с. с. 169.

прежде писалъ онъ еп. Иннокентію — своему другу — о печальномъ упадкѣ населенія, — замѣчанія, на которыя благоразумный еп. Иннокентій отвѣчалъ по-латыни, — теперь съ годами грустныя впечатлѣнія не ослабѣвали. Обѣднѣніе крестьянства, пьянство, умственная темнота, польскія отношенія, еврейскій вопросъ — заставляли Максимовича задумываться и тревожиться и въ его Михайлогорскомъ уединеніи.

Въ такія тяжелыя минуты — единственнымъ облегченіемъ были книги и научныя занятія¹⁾. «Только что получилъ я письмо ваше, мой дорогой земляче, крѣпко уже истомясь чтеніемъ, а и того больше писаніемъ — не чего-либо научнаго, а относящагося къ одолѣвающимъ меня нуждамъ житейскаго попеченія и продовольствія. . . Въ этомъ несказанно тяготящемъ меня на исходѣ дней положеніи мнѣ такъ пріятно бываетъ отвести душу въ бесѣдѣ, содержаніемъ которой дѣла и вопросы научныя». . . «За книгами и письмами забываю немощность» — пишетъ Максимовичъ другому корреспонденту. Онъ очень дорожилъ корреспонденціею со своими учеными друзьями, дававшими ему возможность стоять au courant научныхъ новостей. Интересны письма Максимовича Бодянскому, Шевыреву, Лебединцеву: здѣсь такъ ярко проступаетъ горячій интересъ Максимовича къ разнымъ событіямъ въ журналистикѣ и литературѣ, новой книгѣ или новому мнѣнію по давно трактуемому и все еще неразрѣшенному вопросу: юбилей Московскаго Университета или возрожденіе «Молвы» подъ новою редакціею, цензурныя строгости и гоненіе на малорусскій языкъ, «будущій всходъ новобранныхъ вѣмцевъ-просвѣтителей» и мнѣніе о положеніи древняго города или урочища — одинаково занимаютъ Максимовича. Обладая громаднымъ запасомъ знаній «и въ головѣ и въ нотабенкахъ» — Максимовичъ былъ полезенъ въ перепискѣ своимъ корреспондентамъ: то подскажетъ значеніе слова — Бодянскому, то напомнитъ объ изученіи Ярославовой гробницы — Лебединцеву,

1) П. Бодянскому I. с. с. 180.

укажетъ годъ или приведетъ лѣтописныя свѣдѣнія. Письма вскрываютъ предъ читателемъ зарожденіе и постепенное наростаніе научныхъ работъ Максимовича. Работы эти чаще и чаще обращаются къ мѣстной старинѣ и это — сначала преобладающее, а послѣ и исключительное содержаніе — одно изъ звеньевъ въ связи, соединяющей Максимовича съ Кіевомъ.

«Кіевъ, хотя и родной мнѣ, но выросши въ Москвѣ, я не сроднился съ нимъ для моей жизни... Люблю его святыню, старину и природу, но какъ посѣтитель и богомолецъ, а не какъ житель и труженникъ» — пишетъ Максимовичъ Шевыреву ¹⁾. «Это такъ близко душѣ моей — пишетъ онъ тому же Шевыреву о московскомъ юбилеѣ — ибо лучшая жизнь моя была тамъ, въ Московскомъ вертоградѣ». Съ Москвою соединяли Максимовича не только университетскія и профессорскія воспоминанія, съ тамошними учеными кругами его соединяли и личныя дружескія отношенія. Сохранившіяся письма говорятъ объ его добрыхъ отношеніяхъ съ Погодинымъ, Шевыревымъ и Бодянскимъ. Интереснѣе всего дружба Максимовича съ Погодинымъ: не разъ приходилось Максимовичу разбирать съ беспощадною критикою мнѣнія Погодина (о норманствѣ въ древней Руси, объ исторіи малорусскаго населенія), отмѣчая даже и методологическія погрѣшности своего оппонента, и всетаки дружба не страдала отъ этого. Въ спорѣ Погодина и Костомарова, закончившемся публичнымъ диспутомъ о норманской гипотезѣ и жмудской поправкѣ, Максимовичъ беретъ сторону Погодина, защищавшаго противъ анализа Костомарова норманство, неубѣдительное и для самого Максимовича: а вѣдь Костомаровъ и вообще ближе къ Максимовичу и по своимъ темамъ изъ малорусской исторіи и по своимъ критическимъ приемамъ. «Ты спрашиваешь моего мнѣнія о Литовщинѣ Русской — пишетъ Максимовичъ ²⁾ Шевыреву — я не читалъ всего, что писано, но по

1) П. Шевыреву. Кіевская Старина 1896. IX. 282, 281.

2) П. Шевыреву I. с. 293.

отрывкамъ вижу, что это дребедень, *Гулай-Городокъ*, какъ справедливо назвалъ Погодинъ въ «Р. Бесѣдѣ»: но мнѣ и его исповѣдь не понравилась, а диспутъ еще болѣе. Охота на старости молодечествовать, связываться съ неровнею и выходить на арену, несвойственную его солидной именитости. Мнѣ грустно было все это происшествіе». Максимовичъ могъ — пожалуй — считать Погодина «подвижникомъ науки», но слова его о диспутѣ и о «неровнѣ» отдають уже инымъ. И Максимовичу, указавшему¹⁾ въ спорѣ о норманствѣ Погодину, что «именитость не есть ручательство за истину», былъ изъ участниковъ диспута ближе Костомаровъ съ его протестомъ противъ поклоненія авторитетамъ, чѣмъ Погодинъ, взывавшій къ тѣнямъ Байера и Шлепера.

Сближала Максимовича съ Погодинымъ — кромѣ постоянной и долгой дружбы — еще и складка міросозерцанія — его національная основа взглядовъ и убѣжденій. Если «самобытность»²⁾ непремѣнно должна быть удѣломъ народа, который хочетъ жить плодотворною жизнію и оставить наслѣдіе грядущимъ поколѣніямъ», — то для исторіографіи, — которая, какъ и литература должна быть проникнута духомъ «національной самобытности» — ставится специальная задача — изучить и прослѣдить ростъ и проявленія національнаго самосознанія въ былыя времена. Становясь на такую точку зрѣнія легко прійти въ столкновение съ иными воззрѣніями на былое и Максимовичъ ставилъ въ особую заслугу научной и журнальной дѣятельности Погодина³⁾ установленіе «здраваго взгляда» на прошлое и оспариваніе ошибочныхъ представленій.

Такое міросозерцаніе особенно важно было у человѣка, назначаемого профессоромъ русской словесности и ректоромъ въ новосоздаемый университетъ, имѣющій специальную цѣль быть

1) С. С. I. 101.

2) Актовая рѣчь «О русскомъ просвѣщеніи» (1832 г.).

3) Выдержки изъ писемъ Максимовича Погодину — см. «Жизнь и Труды М. П. Погодина» Н. Барсукова (passim).

Извѣстія II Отд. И. А. Н., т. XI (1906), кн. 1.

разсадникомъ «русскаго просвѣщенія на развалинахъ польскаго». «Университетъ св. Владиміра — мое созданіе — сказалъ ¹⁾ министр С. С. Уваровъ, прощаясь со студентами, — но я первый наложу на него руку, если онъ окажется несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ Правительства». Впрочемъ, и другимъ, внѣ правительственныхъ круговъ, — положеніе Кіева въ выработкѣ русской культуры казалось особенно знаменательнымъ ²⁾. «Пора Кіеву отзываться русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями», писалъ Хомяковъ Максимовичу [1839]. «Кіевъ былъ востокомъ Русской жизни. Ему предлежитъ теперь дѣятельное участіе въ ея полуденныхъ трудахъ. И какъ я радъ видѣть тебя въ чегѣ новаго поприща, открывающагося для древней матери градовъ Русскихъ» пишетъ Надеждинъ. И Максимовичъ оказался вполне на мѣстѣ; его рѣчь «Объ участіи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи» была одобрена министромъ и имѣла желаемый успѣхъ въ обществѣ. Она была на столько же программна, — какъ и совершенно невинная по внѣшности: «О надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ»; рядомъ со справками археологическаго характера затронуть здѣсь вопросъ объ ополячившихся дворянскихъ родахъ — по поводу чего еп. Иннокентій писалъ своему другу — автору: «надгробья идутъ къ своей цѣли. . . Сожалѣніе о русскихъ ополячившихся фамиліяхъ очень кстати. Пусть пораздумаютъ на досугѣ» . . . ³⁾.

Эти замѣчанія еп. Иннокентія о новыхъ работахъ своего друга, замѣчанія постоянно встрѣчающіяся въ его запискахъ къ Максимовичу, вскрываютъ еще одну черту ихъ отношеній:

1) Письма о Кіевѣ — с. 85.

2) Ibid. с. 16.

3) Ibid. с. 89, 91.

еп. Иннокентій былъ для Максимовича совѣтчикомъ по цензурной части и заботливо остерегалъ на счетъ возможныхъ истолкованій въ дурную сторону. Конечно, въ тѣ времена, когда о сколько-нибудь щекотливыхъ темахъ приходилось говорить въ дружескихъ письмахъ по-латыни, всегда можно было ждать неожиданностей отъ цензуры¹⁾. «Досужные люди — замѣчаетъ еп. Иннокентій Максимовичу по поводу одного выраженія — могутъ съ радостію открыть ересь. Не мѣшаетъ перемѣнить нѣсколько выраженій». . . «Книга Голубиная не безъ интереса, только какъ бы цензура не привязалась къ нѣкоторымъ выраженіямъ» — отмѣчаетъ онъ въ другомъ случаѣ. «Весьма жаль мнѣ вашего и нашего Кіева (стихотвореніе Хомякова). Тутъ право нельзя не поѣтовать на цензуру вообще». . . Не пропустила цензура для «Кіевлянина» и «Сказаніе о Колюевщинѣ 1768 г.» самого Максимовича, такъ какъ въ немъ «изображается прежняя вражда съ унией, такъ недавно еще прекращенной въ западной Россіи». «Очень жаль Колюевщины — пишетъ по сему случаю Максимовичу еп. Иннокентій: но другого съ сѣвера почти и ожидать было нельзя». И Максимовичъ, вспоминая такія недоразумѣнія съ цензурою, имѣлъ право замѣтить относительно цензуры: «но что же это за искушеніе вамъ (Бодянскому) съ цензурою? Казалось, благія времена настали, а цензура, какъ старая вѣдьма, подкатывается подъ ноги клубкомъ, то свиньей перебѣгаетъ дорогу: и кто же на нее затешетъ осиновый колъ? Когда изрыется грѣшницѣ яма? . . .

А между тѣмъ кому-кому, а Максимовичу совершенно не было основаній расходиться съ цензурою. Если Максимовичъ заканчиваетъ свою программную рѣчь на университетскомъ торжествѣ словами: «святая вѣра да будетъ общимъ основаніемъ всего просвѣщенія нашего — умственного и сердечнаго, всей нашей жизни частной и общественной! И да сбудутся завѣтныя слова, кои начертаны вокругъ креста, положеннаго въ основа-

1) Письма о Кіевѣ—с.с. 43; 91; 14; 89. П. Бодянскому чтенія 1887. I. 159.

ніе нашего университета: въ свѣтъ Твоемъ узримъ свѣтъ», то замѣчаніе это¹⁾ не случайно, оно указываетъ на полное совпаденіе міросозерцанія Максимовича съ основными идеями, положенными въ фундаментъ новой программы просвѣщенія: православіе и народность. Уже въ предисловіи къ сборнику народныхъ пѣсенъ²⁾ Максимовичъ замѣчаетъ о народности: «наступило, кажется, то время, когда познають истинную цѣну народности; начинается уже сбываться желаніе—да создастся поэзія истинно-русская!» и издатель выбираетъ «памятники, въ коихъ полнѣе выражалась бы народность: это суть пѣсни—гдѣ звучитъ душа, движимая чувствомъ, и сказка, гдѣ отсвѣчивается фантазія народная». «Русскій духъ» подвергался чужеземнымъ вліяніямъ, но никогда ими не подавлялся, и въ «нынѣшнее историческое царствованіе возродилось общее стремленіе къ *самобытному* и своеобразному раскрытію *Русскаго духа* во всѣхъ отрасляхъ жизни, по собственной мысли и въ своемъ видѣ, означилось просвѣщенное обращеніе къ *своенародности и положительности*: ибо раскрытіемъ народности мы были богаче всѣхъ, а стихія былевой (исторической) положительности была всегдашнимъ, природнымъ свойствомъ народности нашей въ самой поэзіи». Современная автору литература вступаетъ «въ новый кругъ *самобытности и своенародности*, составляющихъ собственное отличіе и стремленіе нашего вполне историческаго вѣка». Вполнѣ естественно, что Максимовичъ, начавшій свою литературную дѣятельность издачіемъ народныхъ пѣсенъ въ цѣляхъ раскрытія народности, тѣхъ же придерживался воззрѣній и въ разработкѣ мѣстной старины.

Конечно, съ другой стороны, вдаваясь въ мѣстную старину, Максимовичъ не терялъ изъ виду объединяющей связи и не сходилъ³⁾ съ общерусской точки зрѣнія, какъ и самъ это отмѣ-

1) С. С. П. 23.

2) С. С. П. 439, 440; I. 7—8. 89.

3) С. С. I. 396. Юбилей М. А. Максимовича с. 61.

тилъ въ одной печатной статьѣ: «сладко окунуться въ волнахъ минаувшаго бытія, когда бываешь утомленъ и запыленъ дѣйствительностью современнаго... Широко раздолье по всей землѣ; глубоки омуты Днѣпровскіе!... Обо всемъ, что относится къ жизни Москвы и Великой Руси, ты говорилъ всегда съ такимъ живымъ разумѣніемъ и чувствомъ Русской души: говори же мнѣ о нашемъ Богданѣ, глядя на великій подвигъ его съ твоей *Московской* стороны; пусть увижу я въ чемъ ты полагаешь различіе этой стороны отъ нашей *Кіевской*? — пишетъ Максимовичъ Погодину по поводу «Богдана Хмельницкаго» Костомарова: «я думаю, что мой кіевскій взглядъ на Богдана сойдется съ твоимъ московскимъ *въ одно русское воззрѣніе*, такъ же, какъ Московская и Кіевская Русь — двѣ стороны одного русскаго міра, надолго разрозненныя и даже противостоявшія другъ другу, сошлись *воедино* усиліями Богдана». . . «У васъ — замѣчаетъ Максимовичъ въ другомъ мѣстѣ — многіе смотрятъ на всю русскую землю съ москворѣцкой высоты Ивана Великаго; здѣсь иные глядятъ на нее съ запорожской, поэтической Саворъ — могилы; моя точка зрѣнія на всю единую русскую землю надъ Днѣпромъ съ Старо-Кіевской, съ холма св. Андрея Первозваннаго». . . «Уроженецъ южной Кіевской Руси, гдѣ земля и небо моихъ предковъ, я преимущественно ей принадлежалъ и принадлежу до нынѣ, посвящая преимущественно ей и мою умственную дѣятельность. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, возмужавшій въ Москвѣ, я также любилъ, изучалъ и сѣверную, Московскую Русь, какъ родную сестру нашей Кіевской Руси, какъ вторую половину одной и той же святой Владиміровой Руси, чувствуя и сознавая, что какъ ихъ бытіе, такъ и уразумѣніе ихъ одна безъ другой недостаточны, односторонни». . .

Къ этой «святой Владиміровой Руси» охотно возвращается ученый въ своихъ работахъ; охотно рисуетъ онъ бывшее могущество Кіева, его славу въ русскихъ земляхъ, искреннюю привязанность къ нему и князей и всего населенія. Кіевъ сыгралъ немаловажную роль въ исторіи — повторяетъ не разъ Максимо-

вичъ. «Родные другъ другу по своему происхожденію, два восточно-славянскіе удѣла при св. Владимірѣ соединились еще новымъ союзомъ государственнымъ и церковнымъ въ одну Русь. Тогда восточно-славянская природа, просвѣтленная христіанствомъ, преобразилась въ новое бытіе и проникнута стала новымъ единствомъ русскаго духа»...¹⁾. Такимъ образомъ въ противоположность позднѣйшему обособленію и антагонизму «двухъ половинъ Русскаго міра» Кіевская Русь представлялась Максимовичу гармоническимъ объединеніемъ племенныхъ индивидуальностей и мѣстныхъ интересовъ.

Къ этой-то древней Руси подошелъ Максимовичъ въ своихъ разысканіяхъ—почти одновременно въ области филологіи, исторіи литературы и собственно исторіи. Предпосылая изложенію исторіи древнерусской литературы общее введеніе о славянскихъ языкахъ, Максимовичъ коснулся здѣсь и взаимныхъ отношеній славянскихъ языковъ, ихъ группировки по сродству, а съ другой стороны затронулъ вопросъ о самостоятельности языка малорусскаго. Если въ отдѣлахъ, посвященныхъ языкамъ славянскимъ,—Максимовичъ могъ опираться на матеріалъ и выводы славистовъ—Добровскаго, Копитара, Шафарика, дополняя или измѣняя мѣстами ихъ соображенія, то по отношенію къ языку малороссійскому Максимовичъ неизбежно долженъ былъ проявить больше самостоятельности: здѣсь меньше было разработано до Максимовича, матеріалъ не былъ еще собранъ, особенности и мѣстные оттѣнки еще не изучены и изслѣдователю открывалось широкое поле для обобщеній²⁾. Если припомнить неясныя представленія о малорусскомъ языкѣ, то настоящее проведеніе Максимовичемъ—мысли, впервые³⁾, кажется, высказанной въ предисловіи къ Сборнику пѣсенъ 1827 г., о самостоятельности малорусскаго языка на равнѣ съ великорусскимъ—

1) С. С. III. 57.

2) Ср. Пыпинъ. Исторія русск. этнографіи III, 312—314.

3) С. С. III. 7.

было новостью и оригинальнымъ выводомъ. Здѣсь ¹⁾ преимущественно идетъ рѣчь о самостоятельности этого языка и его мѣстѣ въ общей группировкѣ славянскихъ языковъ, а позднѣе въ научномъ спорѣ съ Погодинымъ затронулъ Максимовичъ въ своихъ «Филологическихъ письмахъ» и исторію малорусскаго языка.

Тогдашнее состояніе ²⁾ русской филологіи нужно постоянно имѣть въ виду и при чтеніи «Исторіи древней русской словесности» Максимовича — для вѣрной ея оцѣнки. Здѣсь тоже пришлось Максимовичу работать на мало разработанномъ полѣ. Трудны были и внѣшнія условія для такихъ занятій въ Кіевѣ, — хотя бы взять пособія: самъ Максимовичъ вспоминаетъ объ этомъ въ перепискѣ съ Шевыревымъ и въ своей поминкѣ о м. Евгеніи, такъ много помогшемъ своею бібліотекою. «Исторія русской словесности» задумана широко, но къ сожалѣнію остановилась на первой части, состоящей «изъ предварительныхъ замѣчаній и общихъ изслѣдованій, относящихся къ древнему періоду нашей словесности, особенно къ языку Русскому», по плану самого автора. Собственно исторіи словесности посвящены лишь небольшія главы — II «о развитіи русской жизни и просвѣщеніи Руси въ древнемъ періодѣ» и III «Обозрѣніе русскихъ писателей и памятниковъ словесности древняго періода». Начальныя страницы посвящены выясненію общей схемы исторіи словесности и перечню сочиненій по исторіи словесности. Глава первая трактуетъ о Русскомъ народѣ въ связи съ другими славянскими племенами и съ экскурсомъ о варягахъ, рѣшающимъ дѣломъ въ пользу балтійскихъ славянъ. Слѣдующія главы гово-

1) Напр. Критико-историческое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ (1838) въ С. С. III. 7—8. Исторія древней русской словесности I (1839) въ С. С. III. 400—402, 406—413.

2) Самъ Максимовичъ далъ указанія для вѣрной оцѣнки своего труда — помѣстивъ въ немъ справку «О сочиненіяхъ относящихся къ исторіи русской словесности» (С. С. III. 356—361). Ср. также отзывъ Максимовича на критику его книги (Отечественныя Записки); отзывъ переизданъ въ С. С. III. 472—479 (изъ Сѣверной Пчелы 1840).

рять о «языкахъ южнорусскомъ, великорусскомъ и бѣлорусскомъ» и ихъ особенностяхъ (IV), объ индивидуальных отличіяхъ этихъ языковъ и ихъ отношеніи—какъ единого цѣлаго—къ другимъ славянскимъ языкамъ (V—VI), далѣе объ языкѣ церковно-славянскомъ (VII), о письменности славянской вообще (X) и о вліяніи на народный русскій языкъ—церковно-славянскаго (VIII) и языковъ иноплеменныхъ (IX). Остановившись здѣсь преимущественно на «предварительныхъ замѣчаніяхъ», Максимовичъ не успѣлъ однако закончить начатую работу и такимъ образомъ внѣ границъ систематическаго изложенія остались отдѣльные вопросы исторіи литературы и были позднѣе обработаны изслѣдователемъ въ самостоятельныхъ очеркахъ. Такимъ, напримѣръ, образомъ въ отдѣльныхъ статьяхъ изложены Максимовичемъ наблюденія и выводы его о любимѣйшемъ памятникѣ древней литературы «Словѣ о Полку Игоревѣ». Еще раньше посвящено ему было довольно обстоятельное разсужденіе «Пѣснь о полку Игоревѣ» (изъ лекцій о русской словесности), позднѣе издалъ Максимовичъ малорусскій переводъ Слова; этотъ переводъ вмѣстѣ съ болѣе раннимъ русскимъ переводомъ свидѣтельствуютъ о внимательномъ изученіи Слова и о компетентности Максимовича какъ комментатора. Статья «О народной исторической поэзіи въ древней Руси» (1845) представляетъ возраженія Погодину на его мнѣніе о скандинавскомъ генезисѣ «Слова» и связи этого памятника съ скандинавскими сагами. Сюда же относятся позднѣйшія «замѣчанія» на стихотворный переводъ «Слова»—сдѣланный г. Гербелемъ (1855)—и болѣе мелкія указанія и комментаріи къ «Слову».

Первымъ цѣльнымъ трудомъ Максимовича въ области исторіи—какъ «Исторія русской словесности» въ области исторіи литературы, а недоконченная «Русская рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою» въ области языковѣданія,—является разсужденіе—«Откуда идетъ Русская земля» (1837). Здѣсь разбирается¹⁾ вопросъ о руссахъ и варягахъ, но онъ разбирается въ

1) С. С. I. 8—9. 20. 31. 32. 34. 37. 47.

связи съ исторією словесности — «при изслѣдованіи языка Русскаго, при изъясненіи свойствъ его и опредѣленіи стихій, вошедшихъ въ его составъ еще въ древнемъ періодѣ, необходимо сперва опредѣлить: отъ какихъ народовъ могло быть вліяніе на языкъ старожиловъ въ Россіи — Восточныхъ Словенъ?» и тутъ же выдвигается вопросъ: «отъ кого досталось народу и языку нашему имя Руси?» Такимъ образомъ на первыхъ страницахъ исторіи русской словесности натываемся на это старинное недоумѣніе. Максимовичъ думаетъ, что Несторъ считаетъ Русь въ числѣ варяговъ, но отсюда всетаки нельзя заключить о скандинавствѣ Руси, такъ какъ варяги не племенное имя; изгнавъ варяговъ, новгородцы пригласили Русь, своихъ соплеменниковъ — славянъ; Русь эта, только причислявшаяся къ варягамъ, была — въ сущности — поморскіе славяне и они — поморскіе славяне Русь — оставались всею массою тамъ за Одеромъ и позднѣе, такъ какъ не вся Русь выселилась. Въ Новгородъ явились вмѣстѣ съ Русью-славянами и варяги-скандинавы, изъ нихъ дали свое имя мѣстному славянскому населенію Русь-славяне. Изъ Новгорода Русь-славяне и часть варяговъ съ Аскольдомъ и Диромъ перешли на югъ и завладѣли Кіевомъ; мѣстное населеніе Кіевщины и здѣсь усвоило имя пришельцевъ Руси и это же имя принялъ варяжскій князь Олегъ, когда завладѣлъ позднѣе Кіевомъ. Таковы взгляды Максимовича въ общихъ чертахъ; высказывая ихъ, Максимовичъ анализируетъ и другія попытки рѣшенія этого спорнаго вопроса. Интересно высказанное здѣсь Максимовичемъ мнѣніе о Шлецерѣ и скептической школѣ. Относится Максимовичъ къ Шлецеру недоброжелательно ¹⁾ и высказывается противъ «мнительнаго и самопроизвольнаго критицизма» Шлецера: «развѣ Шлецеръ — сей славный, грозный пападинъ Русскихъ лѣтописей, образецъ терпѣнія въ трудѣ и вѣтерности въ мнѣніи — не исключилъ разныя событія, лица и даже народы изъ Несторовой лѣтописи, «какъ старыя и вздор-

1) С. С. I. 22. 65.

ныя сказки, какъ новыя, глупыя вставки и дурачкія передѣлки, какъ подложныя и умышленныя поддѣлки», коихъ не могъ онъ сообразить и изъяснить, изъ коихъ нельзя вывести, что Руссы были Шведы?»... «Вы называете — замѣчаетъ Максимовичъ Погодину — Шлепера отцемъ нашей исторической критики; но это былъ для нея лихой вотчимъ, отъ котораго родился и нашъ историческій скептицизмъ. Какъ самопроизвольно и небрежно обходился онъ съ Несторовой лѣтописью? Все, что находилъ онъ въ Несторѣ несогласнымъ со своимъ мнѣніемъ о Руси, называлъ онъ глупыми вставками... метода его гнусна», — замѣчаетъ въ пылу спора съ Погодинымъ Максимовичъ.

Въ тѣсной связи съ Шлеперомъ ставить Максимовичъ и скептическую ¹⁾ школу, тоже ему несимпатичную: «отрицательный духъ Шлеперовскаго критицизма — Каченовскій распространяетъ на все древнерусское и усиливаетъ до чрезвычайности; по его системѣ — ничего нѣтъ скандинавскаго въ нашей древней исторіи, да и сама она вся почти сказка... Скептицизмомъ система сія прослыла не даромъ: «ибо духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» есть главный характеръ ея, по которому она составляетъ собою крайность мнительнаго и вмѣстѣ самопроизвольнаго критицизма Шлепера»... На мѣсто неудовлетворительныхъ попытокъ объяснить спорную страничку древнерусской исторіи Максимовичъ выдвигаетъ свою гипотезу или — точнѣе говоря — воскрешаетъ прежнее Ломоносовское воззрѣніе о славянствѣ руссовъ.

«Да и не всякая-ли новая система отвергаетъ другую, какъ ложь и заблужденіе, и чтобы самой пожить хотя нѣсколько, обводитъ мертвою рукою прежде жившія и процвѣтавшія системы?... Такъ нашъ сѣверный селянинъ-огнищанинъ рубить и жжетъ вѣковое дерево, чтобы на его пепелищѣ засѣять однолѣтній злакъ свой, и пахать свою ставить «выше лѣса стоячаго» ²⁾... Когда выдвигается новая удачная гипотеза, то

1) С. С. I. 16. 22. III. 362.

2) С. С. I. 71. 82.

прежнія недостаточныя теряютъ свое значеніе: «для другихъ гипотезъ тогда пришелъ бы уже послѣдній часъ. Тогда и Козарство и Болгарство Руси погибли бы аки Обри! Тогда и сродство ея съ волшебными Финнами и тожество ея съ полуночными Скандинавами, какъ Оссіановскія тѣни, съ небосклона нашей исторіи отлетѣли-бы на вѣки въ Скандинавскій мрачный рай исключительной храбрости и безконечной брани!... И будущій изслѣдователь исторіи нашей, поминая какъ звали сіи ученія, тогда сказалъ бы: древняя мимоидоша»... Но для норманской теоріи такое пророчество оказалось бы преждевременнымъ: за Шлепера вступился Погодинъ, «новый паломникъ» Несторовой лѣтописи, и такъ поднялся ученый споръ: циклъ спорныхъ положеній, какія приходилось защищать и оспаривать, расширился, такъ какъ Погодинъ ввелъ новыя и новыя доказательства, однако не вполне убѣдительныя. Къ соображеніямъ о выраженіяхъ лѣтописи и другихъ источниковъ о Руси являются еще ссылки на нѣмецкій характеръ отдѣльныхъ словъ — какъ «тіунъ, вервь, губа, вира», на норманскій характеръ дѣйствій варяговъ Руси, на норманскій типъ древнерусскихъ князей и наконецъ норманское вліяніе въ древнерусской поэзіи и на происхожденіе «Слова о Полку Игоревѣ» въ связи съ сѣверными сагами. Мало-по-малу выбиваетъ Максимовичъ своего оппонента изъ занятыхъ тѣмъ позицій, оспариваетъ ли имя, объясняетъ-ли по своему фактъ или высказываетъ сомнѣніе въ норманствѣ даннаго слова — въ концѣ концовъ значеніе доказательствъ Погодина—слабѣетъ.

Эта полемика Максимовича съ Погодинымъ о скандинавской теоріи — нѣсколько разъ возобновлявшаяся по разнымъ поводамъ—можетъ служить прекраснымъ примѣромъ полемической манеры Максимовича. Не выходя изъ границъ научнаго спора, не погрѣшая тенденціозностью и не упуская изъ виду главной цѣли — Максимовичъ проявляетъ очень много индивидуальнаго въ своихъ остроумныхъ и живыхъ полемическихъ статьяхъ. По формѣ—это—письма, адресованныя Погодину, и это обстоятель-

ство даетъ возможность внести личный элементъ — хотя бы въ видѣ воспоминаній; таковы упоминанія объ университетскихъ лекціяхъ Брянцева и Гаврилова, объ одобреніи Пушкина за статью Максимовича о «Полтавѣ», объ интересѣ Глинки къ малорусскимъ пѣснямъ, бѣглыми чертами обрисовывающія упомянутыя лица. Рамки письма допускаютъ и отклоненія въ сторону — какъ — на примѣръ — воспроизведеніе стихотворенія Прокоповича о солодѣ. Наконецъ и характеръ писемъ — тонъ дружеской бесѣды о спорныхъ вещахъ — ослабляетъ рѣзкость справедливыхъ, но безпощадныхъ — порою — возраженій и эти замѣчанія одѣваются въ шутивную дымку дружескихъ разъясненій, остроумныхъ и тонкихъ ¹⁾. «Мой достойный землякъ, Лукашевичъ, — замѣчаетъ Максимовичъ по поводу натянутого толкованія Погодина — обратнымъ чтеніемъ словъ составилъ цѣлую многотрудную систему чаромутія, которая полна зародышей и намековъ . . . Или ты поревновалъ и задумалъ сочинить еще великороссійское чаромутіе, основанное не на словахъ, а на тонѣ и складѣ? . . . Теперь укоряешь меня — пишетъ Максимовичъ въ другомъ мѣстѣ — зачѣмъ я не разобралъ утвержденій Срезневскаго и Лавровскаго, а взялся за тебя такого-де простодушнаго Великороссіянина, что самъ открылъ свою грудь подъ удары и явился на полѣ сраженія безоружный, по примѣру древнихъ своихъ предковъ, которые «сѣдоша съ конь и порты и сапозѣ сметавше, боси поскочиша». Но зачѣмъ же высказывать въ такой античной наготѣ? Легко попасть въ баню древяну, какъ написано о древнихъ предкахъ Новгородцевъ: и будутъ нази и облиются квасомъ усніянымъ и возьмутъ на ся прутье младое» . . . Въ такой шутивной формѣ смягчается рѣзкость возраженія и оно выходитъ мягче, чѣмъ въ прямомъ замѣчаніи, какъ слѣдующее: «ты ли говоришь это, поставляющій себя мнѣ въ примѣръ безпристрастія, говорящій, что и въ своихъ отвѣтахъ мнѣ — ты имѣешь въ виду преимущественно молодыхъ друзей науки!» . . .

1) С. С. III. 253. 245. I. 140.

Возраженія Максимовича Погодину по норманнской теоріи (1841) открываютъ собою рядъ статей и замѣтокъ полемическихъ или критическихъ, вызванныхъ какою либо книгою, новою статьею или случайною ошибкою въ исторической работѣ. Такихъ статей у Максимовича не мало, и интересно, что ученый рано, слишкомъ рано,—по мнѣнію своего ближайшаго ментора-профессора, начавшій въ ботаникѣ и зоологіи разрабатывать систематическіе обзоры, далъ мало законченнаго и обобщающаго въ сферѣ исторической и историко-литературной: большинство статей написано по поводу какой-нибудь книги, основныхъ воззрѣній на эпоху или какихъ-либо деталей, по случаю какой-либо годовщины, какого-нибудь слуха. Внимательно слѣдя, сколько позволяли обстоятельства,—за разработкою вопросовъ родной старины, изучая вдумчиво архивный и археологическій матеріалъ, Максимовичъ скопилъ массу указаній, большой запасъ «и въ головѣ и въ нотабенкахъ» и ему нуженъ былъ лишь толчекъ, чтобы проявить такое богатство. Максимовичъ избѣгалъ широкихъ, обобщающихъ работъ и такимъ толчкомъ чаще всего служила замѣченная при чтеніи книги ошибка, неправильность точки зрѣнія или случайный пропускъ—и вотъ около такой ошибки вырастаетъ цѣлая научная статья: указаніе лѣтописи и стараго писателя, случайно уцѣлѣвшая могильная надпись, отдающее стариною географическое названіе, подпись на старинной картинѣ и фамильный документъ, имя въ помянникѣ или намекъ пѣсни—все это стройно и логично комбинируется Максимовичемъ для доказательства или въ опроверженіе. До него еще ни одинъ знатокъ малорусской старины не располагалъ такимъ обширнымъ запасомъ знаній и—преимущественно—изъ первоисточниковъ. Понятно, что при такихъ свѣдѣніяхъ Максимовичъ могъ высказываться вѣско и авторитетно по различнымъ вопросамъ и онъ считалъ въ интересахъ дѣла своею обязанностию выступать въ такихъ случаяхъ: «поднимаю корогву за нашу мову, за нашу землю-мату, съ которой выживаетъ прадѣдовъ нашихъ почтенный академикъ» пишетъ Максимовичъ Бодянскому

о своихъ «Филологическихъ письмахъ»; тамъ (въ нововышедшемъ томѣ «Исторіи» Соловьева) уже идетъ рѣчь о гетманщинѣ: посмотрю, не надо-ли мнѣ вступить съ нимъ въ прю журнальную; «хочу непремѣнно отвѣчать небольшою статейкою» — пишетъ онъ Бодянскому по случаю статьи Соковенка¹⁾.

При такомъ внимательномъ отношеніи къ дѣлу нѣтъ ничего слишкомъ мелкаго, детальнаго; рядомъ съ провѣркою обобщающихъ построеній должна идти разборка деталей и исправленіе ошибокъ вплоть до поправокъ²⁾ неправильно переданныхъ личныхъ именъ. «Не велика важность — кажется — назвать историческое лицо не его именемъ — замѣчаетъ Максимовичъ какъ-то по поводу Костомаровскаго «Богдана Хмельницкаго», но отъ этого небреженія о точности и вѣрности историческаго факта и выходятъ такія ошибки, какая случилась у г. Костомарова, что Иванъ Барабашъ явился у него двуличный, какъ миѳическій Янусъ» . . . Параллельно съ расширеніемъ нашихъ знаній нужно перебирать и установившіяся прочно — повидимому — миѳія и теоріи, не останавливаясь предъ освящающимъ ихъ авторитетнымъ именемъ: «именитость не есть ручательство за истину». Но съ другой стороны, какъ высказывался Максимовичъ противъ чрезмѣрнаго — по его миѳію — скептицизма Каченовскаго и его школы, такъ и неодобрительно отнесся къ критицизму Костомарова и къ его оспариванію — на примѣръ — преданія объ ап. Андреѣ. Въ окончательномъ итогѣ всей этой работы является выясненіе былого: «наша переписка или переключка во всеуслышаніе будетъ не безъ пользы для исторической истины, изъ которой мы и бьемся» . . . «На полѣ, сжатомъ на скоро историками Малороссіи, я собираю пропущенные и оброненные ими колосья, и по немногу передаю ихъ въ общую извѣстность» . . . «Такъ мало по малу опредѣляются для историка Малороссіи, все вѣрнѣе и полнѣе, разныя подробности. А мы того и хотимъ отъ

1) П. Бодянскому. Чтенія 1887. I. сс. 144. 153. 166.

2) С. С. I. 403; I. 101; I. 430; II. 343. I. 238.

исторіи, чтобы въ ней старина южно-русская открывалась въ подлинномъ своемъ видѣ до послѣднихъ подробностей, какъ открылись нынѣ древнія фрески на стѣнахъ Кіево-Софійскаго собора изъ подъ штукатурки XVII вѣка» . . .

Эта старина южно-русская не представляется Максимовичу чѣмъ то далекимъ, отжившимъ; она заинтересовываетъ работающаго надъ нею изслѣдователя. «Я на всѣ праздники уединился¹⁾ въ Межигорскій монастырь, возсозданный въ Сказаніи моемъ изъ атомовъ, во ста мѣстахъ набранныхъ; по временамъ только выхожу изъ Монастыря въ Полки и Сотни, гдѣ тоже приходится аки пчелѣ собирать, и добро бы медь, а то пергү невкусную, чтобы изъ нее ссучить восковую свѣчку на поминовение покойникамъ родины моей» . . . Прошлое неразрывными нитями связано съ настоящимъ, сливается съ нимъ. Если Максимовичъ предлагаетъ²⁾ построить церковь на Волини во имя св. князя Феодора Острожскаго; установить крестный ходъ на Оскольдову Могилу и заложить въ Кіевѣ храмъ Влахернской Богоматери, обратившей Кіевскую Русь отъ язычества къ христіанству, или назвать холмъ надъ Двѣпромъ Всеволодовымъ холмомъ въ память Всеволода Ярославича, или напоминаетъ о строительницѣ Кирилловскаго монастыря кн. Маріи, женѣ Всеволода Ольговича,—то это именно живая память о прошедшемъ, воскрешающая живыя лица и фигуры въ историческихъ мѣстностяхъ и урочищахъ³⁾: «зеленѣютъ по горамъ, еще въ полной силѣ, огромные многовѣковые дубы. . . Безотвѣтныя они свидѣтели долгой жизни монастыря (Межигорскаго), но подъ ихъ сѣнью, подъ шумомъ ихъ листьевъ, живѣе воображается почти забытая старина этого достопамятнаго мѣста. . . Особенно хорошо здѣсь — замѣчаетъ Максимовичъ о Выдубецкомъ мона-

1) И. М. Каманинъ. Письмо М. А. Максимовича къ П. А. Кулишу («уединился въ Межигорскій м.» и «выхожу въ Полки и Сотни» — намеки на работы Максимовича о Межигорскомъ м. и Обзоръвнѣ городовыхъ полковъ и сотенъ).

2) С. С. I. 170; II. 90; II. 244; II 171.

3) С. С. II. 256; II. 244; I. 752; II. 329.

стырѣ — «весною, когда Днѣпровскія волны разольются, какъ синее море, и полуденный вѣтеръ отъ нихъ навѣваетъ такую животворную свѣжесть, что и давно отжитая старина какъ будто молодѣетъ въ вашей памяти» . . . Днѣпровскіе берега «освящены для насъ весельемъ св. Владиміра, кровью св. Бориса и смертью Мономаха», а позднѣе козацкими движеніями, и если современный Переяславъ «нынѣ живетъ себѣ спокойно на распашку, отдавая иногда свои старые валы за деньги на выварку селитры и не пускается въ даль», то «не такъ было за девять вѣковъ, когда и послы, и купцы Переяславскіе ходили въ Царьградъ, и брали тамъ себѣ оклады у Грековъ, какъ заповѣдалъ вѣщій Олегъ» . . .

«Старое путище, ведущее черезъ глубокую долину къ тѣснымъ улицамъ, не было ли тою дорогою, по которой Владиміръ ѣхалъ къ своей Рогнѣдѣ, и которая послѣ 985 г. стала для него уже не милымъ путемъ и вѣроятно была имъ оставлена?» При такомъ живомъ¹⁾ отношеніи къ былому нужно дорожить и малѣйшими остатками старины: не тронутымъ незастроеннымъ еще «уголкомъ земли Старокіевской, сохраняющимъ на себѣ свой древній природный видъ», старую могильную плиту, вѣланную въ полъ и потому стирающуюся подъ ногами прохожихъ, древнею полуразрушенною церковью, памятникомъ былого. И станетъ понятными тогда — и жгучая тревога Максимовича за судьбу Межигорья при слухахъ, что оно продается съ торговъ, и нѣсколько запальчивые упреки Закревскому въ небрежности и поспѣшности при реконструкціи топографіи древняго Кіева. . .

Эти замѣтки по поводу того или иного слуха, справки о годовщинѣ, рецензіи на книгу, поправки замѣченной ошибки — все вмѣстѣ взятое составляетъ непрерывную цѣпь статей и справокъ по исторіи Малороссіи отъ временъ древнѣйшихъ и кончая XVIII вѣкомъ. Детальнѣе всего остального разсмотрѣны — исторія Кіевской земли и времена казачества.

1) С. С. II. 42.

Выше указана была полемика по норманнскому вопросу и славянское толкованіе спорной страницы, сдѣланное Максимовичемъ въ отвѣтныхъ статьяхъ: и позднѣе приходилось затрагивать Максимовичу этотъ неразрѣшенный споръ—напримѣръ— по поводу козачества и предполагаемаго норманнства Тьмутаракани. Отдѣльнымъ эпизодомъ этой полемики является защита мѣстнаго происхожденія «Слова о полку Игоревѣ» противъ приуроченія его Погодинымъ къ скандинавскимъ культурнымъ вліяніямъ и творчеству сагъ. «Слово» любимый памятникъ Максимовича, и онъ не разъ возвращался къ нему. Интересна подчеркиваемая постоянно Максимовичемъ мысль о связи между Словомъ и позднѣйшими малорусскими народными пѣснями.

Кіевской Руси посвящалъ Максимовичъ преимущественно статьи историко-географическія и историко-топографическія: касаются онѣ чаще всего стараго Кіева и матеріаль, подобранный съ древнѣйшаго періода до недавнихъ—сравнительно—временъ, представляетъ собою связную исторію, приуроченную къ судьбѣ отдѣльныхъ урочищъ, старинныхъ зданій, церквей, монастырей, либо, наконецъ, древнихъ городовъ, а съ ними въ связи и отдѣльныхъ небольшихъ княжествъ (напр. Пересопница), въ другомъ случаѣ исторія княжества приурочивается къ судьбѣ княжескаго рода (Письма о кн. Острожскихъ).

Временамъ послѣ Монгольскаго нашествія посвящена детальная критика представленій о коренномъ запусѣніи Украины, представленій, явившихся въ исторіографіи—въ связи съ польскимъ воззрѣніемъ о польской культурѣ и колонизаціи въ опустѣвшихъ малорусскихъ земляхъ и съ Погодинскою гипотезою—съ другой стороны—о позднѣйшемъ переселеніи современнаго малорусскаго населенія въ запусѣвшія послѣ Татарщины земли. Максимовичъ считаетъ преувеличенными представленія о совершенномъ запусѣніи Южной Руси въ Монгольское нашествіе. Литовской эпохѣ посвящены отдѣльныя историко-топографическія замѣтки (напр. статья о Литовскомъ

замкѣ на Кислѣвкѣ), генеалогическія справки о русскихъ шляхетскихъ родахъ (напр. Острожскихъ), историческія замѣтки о судьбѣ отдѣльныхъ земель (напр. Кіевской, Волынской) и такія случайныя справки, какъ напр. о Вишневецчинѣ. Погибе становятся такія замѣтки съ приближеніемъ къ эпохѣ Церковной Уніи и культурному подъему Южной Руси, связанному съ дѣятельностью Курбскаго, Острожскаго; нужно отмѣтить, что во время составленія, эти справки о православныхъ родахъ шляхетскихъ и ихъ позднѣйшей колонизаціи — кромѣ значенія научнаго — имѣли еще и интересъ общественный, политическій, неясный уже для современнаго читателя.

Такимъ образомъ мы подходимъ къ эпохѣ козачества, такъ внимательно разработанной Максимовичемъ. «Если ¹⁾ любознательность нашихъ историковъ могутъ занимать имена, года, дѣянія царей и цариковъ Татарскихъ, царей и царицъ Босфорскихъ, то для насъ тѣмъ болѣе должны быть занимательны вожди и начальники нашего козачества, историческая жизнь котораго такъ дорога и важна для памяти народной, и которое донинѣ живо въ своихъ потомкахъ казакахъ Малороссійскихъ и Черноморскихъ». О генезисѣ козачества изслѣдователь прямо заявляетъ: козачество было званіе, сословіе, а не племя; на Запорожьи козачество было особое войсковое товарищество, состоявшее преимущественно и собственно изъ Украинцовъ: такимъ образомъ давнее утвержденіе Максимовича (еще въ предисловіе къ Сборнику 1827 г.) о сильной азіатской культурной примѣси не получаетъ здѣсь дальнѣйшаго развитія; оспариваетъ — съ другой стороны — Максимовичъ и предположеніе «о вліяніи Поляковъ на первоначальное образованіе запорожскаго братства», — отстаивая самобытный характеръ ранняго козачества. Организаторами ²⁾ козачества — по мнѣнію Максимовича были Дашковичъ — православный Русинъ и Лянцкоронскій —

1) С. С. I. 296.

2) С. С. I. 254. 289. 292. 293.

личность неясная: въ другомъ мѣстѣ Максимовичъ называетъ Дашковича «первоначальнымъ подвижникомъ приднѣпровской козачины»: «несправедливо вмѣнять Дашковичу первоначальное собраніе и устройство Запорожскихъ выходцевъ. Товариство Запорожское, съ своимъ общиннымъ устройствомъ и съ своими атаманами существовало еще прежде, чѣмъ Дашковичъ вернулся изъ Москвы и сталъ на Руси Кіевской», но съ другой стороны «не иному кому, какъ доблестному Дашковичу, тогдашнее козачество обязано своимъ усиленіемъ и распространеніемъ на Украинѣ приднѣпровской. Онъ упрочилъ бытіе нашего козачества, какъ особаго сословія въ народѣ Малороссійскомъ. Онъ былъ первымъ строителемъ и Чигирина — будущей родины и гетманской столицы Богдана Хмельницкаго». Свои замѣчанія о равней исторіи козачества и дѣятеляхъ этого времени—Максимовичъ изложилъ въ критической статьѣ объ изслѣдованіи В. Б. Антоновича, посвященномъ этому же періоду. Максимовичъ разбираетъ здѣсь два положенія Антоновича, первое—что первоначально вожди и гетманы козачества были князья Гедимновичи, а поздыѣ съ усиленіемъ демократическаго элемента гетманы козачества были уже не князья, а выборные изъ среды козачества, второе положеніе — объясняетъ общинный строй козачества особенностями мѣстной жизни въ Приднѣпровьи, именно отсутствіемъ здѣсь древнерусскаго боярства и переселеніемъ сюда жителей съ Волини, уходившихъ отъ надвигавшагося владѣльческаго гнета. Къ указаніямъ о генезисѣ козачества относится и небольшая замѣтка въ отвѣтѣ С. М. Соловьеву, что высказанное московскимъ профессоромъ отождествленіе козака съ бѣглымъ холопомъ есть взглядъ польско-аристократическій, явившійся въ то время, когда было козачество во враждѣ и борьбѣ съ панствомъ королевства польскаго. Примѣромъ критической провѣрки можетъ служить нѣсколько разъ пересматриваемый и дополняемый Максимовичемъ перечень гетмановъ до Хмельницкаго, перечень составленный путемъ комбинировки данныхъ лѣтописныхъ и указаній старыхъ компиляцій.

Изъ дѣятелей первой половины XVII в. наибольшее вниманіе посвящаетъ изслѣдователь Сагайдачному: не мало труда положилъ онъ на критическую провѣрку свѣдѣній объ этомъ козацкомъ гетманѣ и изложилъ о немъ выводы въ двухъ статьяхъ: «Изслѣдованіе о гетманѣ Сагайдачномъ (1843)» и «Сказаніе» о немъ же (1850): детально разбираетъ здѣсь Максимовичъ ошибки и некритичное пользованіе источниками у своихъ предшественниковъ, исправляетъ такія ошибки на основаніи первоисточниковъ и въ концѣ статьи останавливается на народной пѣснѣ о Сагайдачномъ, отдавая предпочтеніе изъ двухъ возможныхъ здѣсь Сагайдачныхъ — гетманъ или сподвижникъ Дорошенка — гетману.

Ставя эпиграфомъ статьи слова современной вирши — «вечерней славы достойный гетмане», изслѣдователь такъ характеризуетъ значеніе Сагайдачнаго: «если побѣдоносная сила Богданова была мечемъ, освободившимъ Украину отъ Польскаго ига, то могучее, непобѣдимое мужество Сагайдачнаго служило хранительнымъ щитомъ православной Кіевской Руси въ ту печальную, тяжелую годину, какая постигла ее послѣ отважнаго Наливайка. . . возстановленіе православной Кіевской митрополіи, 25 лѣтъ сиротѣвшей безъ пастыря подъ гнетомъ Уніи, и возобновленіе Богоявленскаго Братства, разореннаго противниками православія: это такія два дѣла, которыя даютъ безсмертіе славному имени Петра Сагайдачнаго»: возстановленіе іерархіи выходитъ изъ тѣсныхъ рамокъ собственно церковной исторіи и получаетъ значеніе общественное: поэтому Максимовичъ соединяетъ эти два имени дѣятелей вообще отличныхъ другъ отъ друга: Петръ Сагайдачный «былъ предтечею безсмертнаго Петра Могилы, такъ блистательно совершившаго то, что начато Сагайдачнымъ». . .

Не посвящая церковной уніи отдѣльной статьи, Максимовичъ щедро разсыпаетъ замѣчанія о ней¹⁾ въ статьяхъ историческихъ

1) С. С. I. 266. 268. II. 207. 285. . .

и по исторической топографіи. «Оскорбительною и ненавистною для народа—для *всѣхъ* сословіи Южнорусскаго народа сдѣлалась Унія потому, что она и подготовлена и объявлена была безъ участія и согласія народа; что она вводится была мѣрами насильственными, незаконными и притѣснительными для всѣхъ православныхъ. Можно ли было такому важному дѣлу, какъ соединеніе Кіевской православной іерархіи съ Римско-католическою, совершиться безъ соборнаго совѣщанія и согласія всѣхъ патріарховъ православныхъ? А оно совершилось не только безъ ихъ согласія, но и вопреки желанію южнорусскаго народа,—обманнымъ дѣйствіемъ (іерарховъ)... Но не смотря на народный протестъ противъ Уніи, она была введена насильственно, съ утѣсненіемъ православія въ землѣ южнорусской... Унія, равно ненавистная для всѣхъ православныхъ, встрѣтила себѣ отпоръ во всѣхъ сословіяхъ южнорусскаго народа. И каждый своими способами, кто во что гораздъ, отстаивалъ православную церковь отъ разнообразнаго на нее нападенія со стороны католической и уніатской. Шла не одна войсковая борьба козацкая, но и умственная борьба книжная—та и другая во взаимной связи... и такимъ образомъ Унія—сама явленіе отрицательное—вызвала явленіе положительное—подъемъ: «сталь, бьющая о камень, высѣкала искры; и возгоралось вновь просвѣщеніе православно-русское, задремавшее въ Кіевской землѣ во времена ея Литовства. Вотъ развѣ гдѣ *благодѣтельная* сторона тогдашняго господства Польши надъ Украиною, хотя и неожиданная, нежеланная для первой»... Таково общее представленіе Максимовича объ Уніи и ея значеніи въ Южнорусской исторіи; останавливается изслѣдователь и на отдѣльныхъ эпизодахъ этого времени—такой характеръ имѣетъ небольшая статейка о Никифорѣ Турѣ, гдѣ рассказывается о сопротивленіи передачѣ Печерской Лавры въ руки уніатовъ. Съ глубочайшимъ уваженіемъ относится Максимовичъ къ выдающемуся дѣятелю этого времени, Петру Могилѣ, не разъ останавливаясь на основныхъ фактахъ его разнообразной дѣятельности.

Объединяя въ одну цѣльную картину различныя явленія этой эпохи, Максимовичъ устанавливаетъ тѣсную связь между состояніемъ православной церкви и козацкими движеніями¹⁾. «Обида православія была главною, самою чувствительною, горшею обидою для всего Южнорусскаго народа... То была душа всего, то былъ *pegvus regum gerendatum*... Эта черта объявляетъ и отношеніе населенія къ козачеству въ эту пору: «несправедливо—замѣчаетъ Максимовичъ Грабовскому—и ваше ограниченіе тогдашнихъ украинскихъ смуть одними войсковыми бунтами, мятежами черни»... «Въ тѣхъ смутахъ главнымъ и постояннымъ дѣломъ было отстояніе православной восточной вѣры отъ нападеній католико-уніатскихъ: и въ этомъ отстояніи своего православія, равно драгоцѣннаго для всѣхъ сословій, принимали живое участіе всѣ сословія Южнорусскаго народа... въ кругу той всеобщей и разнообразной борьбы, козацкія возстанія, которыя для Поляковъ, конечно, были «войсковыми бунтами», для православно-русской стороны были «крестовыми походами»... Исслѣдователь объединяетъ единствомъ основныхъ чертъ всѣ козацкія движенія, «всѣ козацкія войны съ Поляками, и Хмельницкаго и прежнихъ гетмановъ», всѣ онѣ были направлены «за вѣру и свободу святорусской Кіевской земли»... «Польское стремленіе поработить себѣ равныхъ и жестокое насиліе православной вѣры въ Кіевской землѣ отъ Польскаго Католичества и отъ изобрѣтенной церковной уніи произвели ту двухвѣковую междоусобицу Польско-козацкую, которая прекратилась только съ концемъ Запорожья (1775), Козацкой Украины (1782) и королевства Польскаго (1795)... И въ историческомъ ходу всей Русской жизни, то заслуга и слава нашего Южнорусскаго козачества, Украинскаго и Запорожскаго, что оно, борясь такъ долго и крѣпко съ Турецкою и Татарскою силою, въ отпоръ ее отъ Русской земли, такъ мужественно отстояло у себя православную восточную церковь отъ Католичества запад-

1) С. С. I. 273. 272. 508. 511.

наго, а свою Русскую народность отъ Полячества; а въ гетманство Богдана (Хмельницкаго) освободило свою многострадальную Матерь - Украину отъ Польскаго ига и добровольно примкнуло съ нею въ общій составъ Русскаго міра» . . .

Этому ¹⁾ «славному Богдану» — «любимцу и представителю народа своего, красѣ и славѣ козачества Южнорусскаго» — посвящаетъ Максимовичъ рядъ «писемъ» по поводу труда г. Костомарова «Богданъ Хмельницкій». Адресованы эти письма Погдину и авторъ замѣчаетъ въ началѣ третьяго письма: «пишу мои критическія замѣчанія собственно для тебя, какъ для историка, а потому и стану иногда входить въ такія подробности, которыя для большинства читателей могли-бы показаться лишними и мелочными, но онѣ будутъ пригодны для всѣхъ изучающихъ эпоху гетмана Хмельницкаго, слѣдовательно и для самого г. Костомарова». Дѣйствительно, замѣчанія Максимовича пригодились Костомарову и онъ ими воспользовался въ слѣдующихъ изданіяхъ своего изслѣдованія. «Богданъ Хмельницкій (Костомарова) хорошъ, какъ широкій Днѣпровскій лугъ, въ ту пору, когда красуется онъ длинными рядами свѣжихъ травныхъ покосовъ, послѣ удачной косовицы и благовременной гребовицы. Но за привольною и веселою работою косарей и гребцовъ наступаетъ спѣшная и тяжелая работа тягальниковъ и кидальниковъ, чтобы уготованное, благоуханное сѣно сложилось плотно въ стройныхъ скирдахъ. . . Эпоха гетмана Хмельницкаго, да и самъ великій Богданъ, стобятъ того, чтобы трудолюбивый г. Костомаровъ поработалъ надъ нимъ съизнова, чтобы пересмотрѣвъ и перебралъ критически весь богатый запасъ, имъ собранный, сложилъ бы его въ новую исторію Богдана Хмельницкаго, равно удовлетворительную для публики и для ученаго круга специалистовъ» . . . Въ цѣляхъ облегченія такого пересмотра — Максимовичъ даетъ цѣлый рядъ указаній и поправокъ, начиная съ толкованія имени Ясько и кончая выясненіемъ психологіи самого

1) С. С. I. 398. 400. 399.

гетмана: критически разобралъ здѣсь Максимовичъ цѣлый рядъ свидѣтельствъ о Хмельницкомъ, совершенно отрицая одни (рассказъ о плѣнѣ Кантемиричей, эпизодъ въ замкѣ Бродскомъ), исправляя другія (смѣшеніе Барабаша и Ормянчика, дата пріѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ 1648 г.) и, наконецъ, дополняя третьи (о положеніи отца Хмельницкаго, о званіи самаго Богдана Хмельницкаго, о его жизни до открытаго выступленія противъ польскаго режима). Приводитъ здѣсь же Максимовичъ и ранѣе указанную имъ поправку ошибки въ перечисленіи полковъ у Коховскаго и мимоходомъ дѣлаетъ критическія указанія на ошибки и неисправности у старыхъ писателей и въ другихъ источникахъ для изученія этого времени.

Эпохѣ послѣ Хмельницкаго Максимовичъ не посвящаетъ цѣльныхъ статей и замѣтокъ, ограничиваясь лишь отдѣльными указаніями—напр. въ исторіи Межигорскаго монастыря. Такія же указанія даетъ Максимовичъ и о времени Мазепы: «народа не обманешь!—замѣчаетъ какъ-то изслѣдователь—Мазепа¹⁾ ли не воздвигалъ церквей, не благотворилъ школамъ и духовенству Малороссійскому! и кого изъ вождей Украины больше его превозносили современники пышными панегириками? А между тѣмъ народныя пѣсни донинѣ поминаютъ лихомъ коварнаго гетмана»... Свѣдущій знатокъ мѣстной церковной старины Максимовичъ прекрасно зналъ щедрость Мазепы къ церквамъ и не могъ не задуматься надъ противорѣчіемъ между ежегодно повторяемымъ проклятіемъ Мазепы при анаематствованіи и поминаніемъ его въ тѣхъ же церквахъ какъ создателя и благотворителя. Максимовича занимала мысль о снятіи проклятія съ Мазепы, но онъ не нашелъ сочувствія къ такому своему намѣренію, а П. Лебединцевъ—узнавъ о желаніи Максимовича облечь память Мазепы, указалъ на неудобство такого ходатайства и добавилъ притомъ характерное замѣчаніе, что золотилъ и строилъ церкви Мазепа на козацкія деньги, а какъ жилося населенію въ его гетман-

1) С. С. I. 580.

ство—про то знаетъ всякій. Отголоскомъ занимавшей Максимовича мысли осталась замѣтка къ напечатанному имъ письму гетмана Скоропадского къ м. Иосафу Кроровскому.

Между замѣтками Максимовича о XVIII в. важна критическая статья по поводу сдѣланной Кулишомъ оцѣнки «Записки» Г. Н. Теплова о Малороссіи. Кулишъ, какъ извѣстно, съ довѣріемъ отнесся къ указаніямъ «Записки» Теплова, оцѣнилъ его проникательность и освѣдомленность и счелъ самую записку плодомъ «любви къ Малороссіи» и «желанія общей пользы»: Максимовичъ началъ съ критической провѣрки сообщаемыхъ Тепловымъ данныхъ о современной Малороссіи и находитъ въ нихъ «путаницу и ложь» и болѣе того ложь «умышленную и недобросовѣстную» и всю записку считаетъ «омутомъ, въ которомъ и самая истина является нечистою и «лжеподобною»; шагъ за шагомъ разбираетъ Максимовичъ указанія Теплова и приходитъ къ выводу, что это—преднамѣренная подтасовка: «такія¹⁾ гиперболы могутъ еще имѣть мѣсто въ учено-литературной статьѣ, какъ заблужденіе писателя, болѣе или менѣе извинительное, но въ докладной запискѣ государынѣ онѣ представляютъ нечестное и непростительное дѣло гражданина! . . . Оporочить всю Малороссійскую старшину и шляхетство преувеличеннымъ показаніемъ ихъ темной стороны—не значитъ еще принести пользу Малороссійскому простонародью. И какой же голосъ возвысилъ Тепловъ въ пользу большинства населенія Малороссійскаго? О козачествѣ онъ нагаль государынѣ, будто оно почти истребилось и претворилось въ крестьянъ злоупотребленіемъ старшинъ. О посольствѣ въ концѣ своей записки онъ возвысилъ такой голосъ, что «есть вредъ ближайшій Малороссійскому народу вольный переходъ съ мѣста на мѣсто» . . .

Такой же характеръ—выясненія чужихъ ошибокъ носить и статья «Извѣстія о гайдамакахъ» (1845): это критическія замѣчанія²⁾ на книгу Скальковскаго: «Наѣзды гайдамакъ», о которой

1) С. С. I. 552. 561.

2) С. С. I. 573. 579. 582. 587. 625.

Максимовичъ говоритъ со свойственною ему образностью: «картину (нарисованную Скальковскимъ) можно уподобить часамъ, въ которыхъ минутная разниця съ часовой, а репетиція звонить совсѣмъ не то, что показываютъ стрѣлки». Основная мысль Скальковскаго—совершенное отдѣленіе запорожцевъ отъ гайдамакъ и очищеніе первыхъ отъ темнаго пятна, наложеннаго на нихъ разбойничествомъ гайдамакъ. Максимовичъ указываетъ, что этой цѣли достигаетъ Скальковскій обѣленіемъ запорожцевъ и очерченіемъ гайдамакъ, и со своей стороны показываетъ, что между запорожцами и гайдамаками нѣтъ такой коренной разницы и самъ Хмельницкій въ началѣ поднятого имъ движенія былъ тоже «грозный гайдамакъ»: точно также и въ XVIII в., несмотря на свои постоянныя завѣренія — Запорожье стояло въ тѣсной связи съ гайдамачествомъ: «кровоавое пятно Коліивщины тогда же слилось съ свѣтлымъ пятномъ славы Запорожской». . . Эти критическія замѣчанія подчеркиваютъ прежде высказанное воззрѣніе Максимовича — именно въ злополучной статьѣ «Сказаніе о Коліивщинѣ»,—непропущенной цензоромъ для «Кіевлянина» и напечатанной только по смерти автора. «Кровавый подвигъ Желѣзняка былъ не простой гайдамацкій разбой и не случайное нападеніе запорожцевъ на польскія владѣнія для грабежа и добычи. Нѣтъ, то было огнедышущее изверженіе народной мести и вражды, цѣлый вѣкъ копившейся подъ гнетомъ Уніи; то была предсмертная судорожная схватка двухъ враждебныхъ стихій въ государственномъ тѣлѣ, которое уже близилось къ своему концу. Коліивщина была послѣднимъ отзывомъ тѣхъ возстаній, которыми нѣкогда цѣлая Украина ополчалась на Польшу для спасенія своей вѣры и своего народа, обреченнаго тогда на говеніе». . . Такимъ образомъ впервые у Максимовича эта «кровоавая трагедія», одинокое—повидимому—ужасное кровопролитіе является въ тѣсной связи съ предшествующимъ, какъ одно звено въ длинной цѣпи народныхъ движеній противъ польскаго режима, какъ отдѣльный эпизодъ долгой борьбы и вмѣсто признаковъ бунта и мятежа — какъ оцѣнивали Коліивщину съ

точки зрѣнія государственной—получаетъ черты народнаго движенія съ глубоко лежащими причинами.

Наряду съ этими замѣтками и статьями, посвященными отдѣльнымъ моментамъ родной исторіи, Максимовичу приходилось отмѣчать и общую послѣдовательность событій, хотя въ самыхъ бѣглыхъ чертахъ, какъ бы общую схему смѣны эпохъ: такова, на примѣръ, исторія Межигорскаго монастыря, проведенная авторомъ отъ временъ древнекняжескихъ до конца XVIII в. (Сказаніе о М. м.). Точно такъ же—но на протяженіи менѣе длинномъ—отражается общая исторія Малороссіи на судьбахъ маленькаго ея уголка—Бубновской сотни, въ родномъ Максимовичу Золотоношскомъ уѣздѣ. Часто возвращаясь къ воспоминаніямъ¹⁾ своего дѣтства, когда его «еще шестилѣтняго мальчика привезли въ золотоношскій женскій монастырь, на ученіе книжное, какъ въ тотъ же день учительница его, черница Варсонофія въ своей кельѣ посадила его съ указкою за грамотку», Максимовичъ считалъ роднымъ и близкимъ себѣ весь этотъ край и не разъ обращался къ его старинѣ, изучая исторію Малороссіи: онъ чувствовалъ живую связь съ этимъ небольшимъ уголкомъ и съ людьми, которые жили и дѣйствовали здѣсь въ былое время. «Перечиталъ нѣсколько сотъ здѣшнихъ домовыхъ записей у мовхъ сосѣдей и родичей сохранившихся и изучилъ порядочно тотъ уголокъ Русской земли, на которомъ живу теперь... пишеть какъ-то Максимовичъ Бодянскому (1848). «На этомъ участкѣ Русской земли давно уже ведется общественная жизнь Русскаго человѣка—замѣчаетъ Максимовичъ въ своей «Бубновской сотнѣ» послѣ вводныхъ замѣчаній по исторической географіи—и много здѣсь близкаго лично для меня, въ разныхъ отношеніяхъ. Потому я желалъ привести себѣ въ извѣстность прошедшую жизнь Бубнова и его сотни—тѣмъ болѣе, что исторіи Русской недосужно было останавливаться надъ такимъ уголкомъ Руси, гдѣ общественная жизнь ея работала тихомол-

1) С. С. III. 319. II. Бодянскому. Чтенія 1887. I. 136. С. С. I. 749.

комъ, не выдаваясь ничѣмъ особеннымъ изъ своего обиходнаго круга. Свѣтъ исторіи, какъ лучи утренняго солнца, озаряетъ прежде всего вершины, да крупныя выпуклости народнаго бытія; а то, что у подошвы его, то остается надолго въ тѣни, и нерѣдко вовсе исчезаетъ изъ памяти людской. Но я люблю прохладу такихъ укромныхъ уголковъ земли Русской, люблю распросить смиреннаго, но забытаго труженика Руси обо всей прошедшей жизни его; посмотрѣть на все, что отъ нея уцѣлѣло, и помянуть съ нимъ нашу родную старину». . . У историка, давшаго не мало новаго въ смыслѣ взглядовъ на коренныя пере мѣны въ жизни Малороссіи—эта внимательность къ укромной жизни маленькаго уголка, къ мирной дѣятельности незамѣтныхъ людей, соединялась неразрывно и съ любовью къ своему углу, чарующему виду со своей Михайловой Горы. Въ «Бубновской сотнѣ» на ряду съ историческими справками о городѣ Бубновѣ и его положеніи въ прежней административной системѣ дается цѣлый рядъ біографическихъ очерковъ—о дѣятеляхъ и уроженцахъ этой мѣстности и такимъ образомъ отиѣтки объ общихъ судьбахъ Малороссіи (Первыя времена Бубновской сотни, Послѣднія времена козацкой Украины) смѣняются данными по мѣстной исторіи, семейными воспоминаніями и народными преданіями о быломъ: конечно, въ біографіяхъ мѣстныхъ людей не всегда можно придерживаться обычнаго учета общественнаго значенія историческихъ дѣятелей: такимъ образомъ—напримѣръ—генералъ Неверовскій—«герой двѣнадцатаго года» является здѣсь какъ «лучшій цвѣтъ нашего Побережья, краса и честь Бубновской сотни». Въ общемъ итогѣ эти выписки изъ документовъ, личныхъ воспоминаній, семейныя преданія и рассказы старыхъ людей про былое—даютъ много матеріала для восстановленія быта былого времени и цѣнны именно безхитростною передачею данныхъ о старинѣ.

Кажется, здѣсь—заканчивая общій обзоръ собственно историческихъ статей и изслѣдованій Максимовича—удобнѣ всего упомянуть о полемикѣ, начавшейся собственно на почвѣ фило-

логической и оперировавшей тоже аргументами филологическими, но по затронутымъ вопросамъ примыкающей и къ историческимъ работамъ Максимовича: это—полемика съ Погодинымъ о старобытности малорусскаго языка и населенія. Соображенія Срезневскаго и Лавровскаго о возникновеніи обособленнаго малорусскаго языка—какъ особой вѣтви—рядомъ съ вѣтвью великорусскою,—что совершилось оно не ранѣе XIII—XIV вв. и что въ кругу особенностей малорусскаго языка рядомъ со спеціально-малорусскими находятся и остатки нѣкогда общаго всему славянскому племени и забытаго потомъ у великоруссовъ—эти соображенія въ рукахъ Погодина привели къ неожиданнымъ выводамъ. Защитникъ историческаго правовѣрія заключилъ отсюда, что языкъ старыхъ лѣтописей есть языкъ великорусскій, что, если до XIII—XIV вв. не было еще языка малорусскаго рѣзко обособленнаго отъ великорусскаго, то значить до XIII—XIV вв. не было и малоруссовъ, которые говорили бы по малорусски, значить сюда малороссы пришли уже послѣ Татарщины, а ранѣе жили здѣсь одни великороссы. Противъ такого вывода ополчился Максимовичъ и свои возраженія Погодину изложилъ въ видѣ «Филологическихъ писемъ». «Поднимаю корогву за нашу мову, за нашу землю-мату, съ которой выживають прадѣдовъ нашихъ почтенный академикъ» пишетъ¹⁾ Максимовичъ. Онъ придаетъ значеніе этому спору: «вотъ тоже и хата: вѣдь оно (слово это) есть и у Чеховъ, и еще у другихъ. Не попалось ли оно гдѣ нибудь въ старописьменныхъ памятникахъ? На этомъ пунктѣ я особенно хочу учинить осаду, какъ на Малаховщинѣ»... Имѣя достаточный запасъ филологическихъ данныхъ Максимовичъ могъ указать погрѣшности у Погодина, который—самъ историкъ—не чувствовалъ себя свободно на чисто филологической почвѣ, но для положительной провѣрки предложенныхъ общихъ построеній—Максимовичъ не всегда чувствовалъ себя достаточно сильнымъ

1) П. Бодянскому I. с. 144. 146. 149.

и потому ищетъ пособника: «Между тѣмъ, можетъ быть, и вы примете участіе въ этой полемикѣ — пишетъ Максимовичъ Бодянскому — ибо видите и вы въ долгу на давній вызовъ Погодина написать о языкѣ Нестора. Напишите, да не въ бровь, а въ око! . . . А мнѣ то какая была бы поддержка въ борьбѣ этой! . . . Тутъ именно ваше мнѣніе нужно и важно въ нашей распрѣ съ Погодинымъ. Моя письма не берутъ его; приударьте-ка вы еще по прежнему его уполномоченію васъ! Это будетъ очень эффектно! . . . Я очень радъ, что вы вступаетесь таки въ нашу прю; и напередъ уже знаю, что всѣмъ тремъ заразомъ (Срезневскій, Лавровскій, Погодинъ) будетъ давка добрая—яко перомъ троскотати!!!» . . . Въ своемъ отвѣтѣ Максимовичъ приводитъ рядъ общихъ соображеній противъ предполагаемаго переселенія малороссовъ и отступленія предъ ними великоруссовъ съ юга, разбираетъ указанія Погодина, что пѣсни и былины о Владимирѣ—созданіе великорусскаго племени, унесенное имъ—какъ свое достояніе—съ юга, далѣе указываетъ на поспѣшность отождествленія языка старыхъ лѣтописей съ великорусскимъ и—наконецъ—одно за другимъ оспариваетъ у Погодина признанія не малорусскими отдѣльные слова и выраженія лѣтописи, предметы обихода и черты быта. Ведя споръ по товарищески, пересыпая выраженія дружескими замѣчаніями и общими воспоминаваніями—Максимовичъ—однако—не пропускаетъ методологическихъ ошибокъ и натяжекъ Погодина и дѣлаетъ ему за нихъ въ полусутильной формѣ серьезные упреки. Вотъ еще примѣръ¹⁾ въ дополненіе къ вышеприведеннымъ: «итакъ основаніе новой системы твоей рушится, а съ нимъ рушится и самая система твоя, измечтанная всею хитростью! Ты говоришь, что заключенія твои о заселенности Малороссіи искони Великороссіянами, а не Малороссіянами, и о тожествѣ Великорусскаго нарѣчія съ Церковнымъ, съ перваго раза испугали тебя. . . Не былъ ли то голось исторической совѣсти? . . . Доказывать,

1) С. С. III. 230.

что до нашествія Татарскаго на Кіевъ не было Малороссійскаго народа на Руси Кіевской, — для меня все равно, если-бы доказывать, что до нашествія Польскаго на Москву не было Велікороссійскаго народа на Руси Московской» . . .

Заканчивая здѣсь обзоръ трудовъ М. А. Максимовича въ различныхъ областяхъ украинновѣдѣнія — нужно замѣтить, что эта характеристика не исчерпываетъ всего сдѣланнаго покойнымъ историкомъ. Но кажется и этого будетъ довольно, чтобы намѣтить разнообразіе ученой дѣятельности: въ изученіи народныхъ пѣсенъ и въ критикѣ источниковъ, въ этнографіи и въ разработкѣ исторіи языка — въ этихъ областяхъ Максимовичъ далъ цѣнныя работы: чтобы яснѣе представить важность его трудовъ — нужно вспомнить, что мѣстами онъ былъ новаторъ и положилъ первый починъ, а тамъ гдѣ шелъ путемъ — намѣченнымъ и другими — всетаки долженъ былъ продѣлывать и всю подготовительную работу. Эту то подготовительную работу вездѣ замѣчаетъ читатель, когда внимательно просматриваетъ страницу за страницей всѣ три тома «Собранія сочиненій» — научнаго наслѣдія покойнаго историка: и переходя отъ легко замѣчаемаго богатства указаній и наблюденій — разсѣянныхъ повсюду въ статьяхъ и замѣткахъ — къ разсмотрѣнію привлеченнаго изслѣдователемъ матеріала и проработанныхъ источниковъ нетрудно подмѣтить и массу положеннаго на это труда и обширность накопленнаго запаса. И положительною стороною своей научной дѣятельности и отрицательною — критикою общепринятыхъ воззрѣній и научныхъ выводовъ современниковъ — Максимовичъ принесъ большую пользу украинской исторіографіи: его указанія и поправки вошли въ ея обиходъ и во многихъ случаяхъ стали общепризнанными. Поэтому ссылки на Максимовича становятся рѣже, но какъ только переходишь къ исторіи вопроса, къ исторіи его изученія — постоянно встрѣчаешь имя Максимовича. Невольно приходится пожалѣть, что

неблагопріятно сложившіяся обстоятельства не дали ему удобныхъ условій для ученой работы, что у него не было обширной аудиторіи или широкаго круга читателей. Правда, во вторую половину своей дѣятельности въ качествѣ историка—Максимовичъ сознательно ограничивался небольшими статьями и замѣтками, не берясь за широкія обобщенія, но переписка его вскрываетъ передъ читателемъ завѣтные планы болѣе широкихъ работъ, планы оставшіеся безъ исполненія и осуществленія: это набрасываетъ на біографію М. А. Максимовича грустную тѣнь надеждъ несбывшихся и неисполнившихся ожиданій.

Александръ Грушевскій.
